

МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА

Отдел газетных вырезок

ул. Кировл, 26/б.

Тел. 96-69

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

от 26 ДЕК. 37

Москва

ЗАПОЗДАЛЫЕ ПРИЗНАНИЯ

На общем собрании коллектива театра им. Мейерхольда

С 22 по 25 декабря коллектив театра им. Мейерхольда обсуждал выступление печати о своем театре.

Три дня люди коллектива горячо говорили о том, как преступно относился театр им. Мейерхольда к искусству, какие безобразия творились в коллективе, как нарушались основные принципы работы в советском театре с советским актером.

Весплановость, хаос, самодурство «мастера», нетерпимое отношение к самокритике, полное равнодушие к актеру, игнорирование живых людей и их индивидуальных творческих способностей — вот что годами дарило в театре им. Мейерхольда.

К кому обычно обращается в театре артист за советом, за помощью в работе? К режиссеру. Но в театре им. Мейерхольда им был Мейерхольд. К художественному руководителю? Но им также в театре Мейерхольда был Мейерхольд. К директору? Но и им в театре им. Мейерхольда был Мейерхольд. Таким образом круг замыкался.

Спрашивается: как же работать при таком положении? Одни уходили, другие подхалимничали и приспосабливались, третьи терпели.

Артисты с возмущением говорили о репертуарной анархии театра. Актер Громов заявил, что театр им. Мейерхольда можно назвать «театром несбыточных мечтаний и обещаний, театром неосуществившихся надежд».

Неизвестно, откуда у руководства вдруг вспыхивали идеи новой постановки. Театр включался в работу, начинались репетиции, создавались бригады, спектакль уже заранее рекламировался. Но внезапно вошедшая идея так же внезапно угасала. Прекращались репетиции, рапускались бригады, творческий ажиотаж замирал. Дворганизованные артисты уныло спорили о причинах крушения готовящейся премьеры. Но через некоторое время в театре снова начинались разговоры: «Мастер задумал новый спектакль. На-днях приступаем». И начиналась обычная суматоха: репетиции, бригады, обещания... и очередной крах.

Артисты в своих выступлениях подчеркивали, что враг выявлялся всегда одной

и той же причиной. Руководство упорно стремилось протолкнуть для постановок в театре чуждые пьесы или контрреволюционную страстию различных сомнительных «драматургов», чье глупое лицо сейчас полностью открыто.

В то время, как театры Союза, вплоть до самостоятельных клубных кружков, умели находить правдивые пьесы, отражающие героико советской жизни, лишь один театр, с горечью признали все актеры, не видел или не хотел видеть этих пьес — это театр Мейерхольда.

Пьеса «Одна жизнь», юбилейная пьеса театра, готовилась буквально, как на пожар. Паника все время царил в театре. Репетиции прерывались... на три месяца, а затем растерянный коллектив получил задание от художественного руководства, за несколько дней до двадцатилетия Октябьской революции кое-как, насоех приготовить спектакль.

Так и исковеркала прекрасный роман большого писателя!

На общем собрании сотрудников театра им. Мейерхольда выступил за эти дни почти весь коллектив театра. Это были актеры, пришедшие к Мейерхольду в различное время и занимающие различное положение. Но все они, начиная от актера Боголюбова, работающего у Мейерхольда больше десяти лет, и кончая студентом-практикантом Чулковым, на-днях пришедшим в театр, говорят одно и то же: хаос, семейственность, подхалимство, отсутствие творческих установок, полная дезорганизация коллектива.

Работники театра высказывают сейчас много горьких истин. Но тут встает законный вопрос:

Почему только после резких выступлений печати все «униженные и оскорбленные» вдруг прозрели и, получив голос, возопили о своих мытарствах?

Актеры, заявляющие на собрании о том, что за последние четыре года производительный план театра не был выполнен ни на один процент, — знали об этом возмутительном факте, очевидно, и до начала печати. И они не имели права молчать всё это время.